

Къ ст. Л. Я. Штернберга: Памяти И. Т. Савенкова.

И. Т. Савенковъ

Иванъ Тимоѳеевичъ Савенковъ.

1846—1914 гг.

1 сентября 1914 г. скончался въ Красноярскѣ корреспондентъ и старшій сотрудникъ Музея Антропологии и Этнографии, извѣстный археологъ и изслѣдователь Сибири, Иванъ Тимоѳеевичъ Савенковъ.

И. Т. родился въ 1846 г. въ Мариуполѣ Екатеринославской губ., но еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ вмѣстѣ съ родителями переѣхалъ въ Сибирь, которая стала для него настоящей родиной. Свое среднее образование онъ получилъ въ Иркутской гимназіи, которую окончилъ въ 1866 г. Высшее образование И. Т. получилъ на естественно-историческомъ отдѣленіи Физико-Математическаго факультета С.-Петербургскаго университета, который окончилъ со степенью кандидата въ 1870 году.

Выдающіяся способности И. Т. давали ему возможность выдвинуться на любомъ поприщѣ, въ особенности на научномъ, и въ столицѣ, но его тянуло, какъ и многихъ талантливыхъ его земляковъ, въ родную Сибирь, такъ нуждавшуюся въ интеллигентныхъ работникахъ для общественнаго строительства и научнаго изслѣдованія. То былъ періодъ, когда порывъ энтузіазма сибиряковъ къ изученію родины и служенія ей достигъ своего апогея,—періодъ, который выдвинулъ славныя имена Потанина и Ядринцева, создавъ цѣлую фалангу ихъ послѣдователей во всѣхъ областяхъ сибирской жизни. Только въ подобные періоды могли появляться мѣстные дѣятели такого типа, какъ Мартыяновъ, который силой своей огромной энергіи и пламенной любви къ наукѣ и родному краю могъ за короткое время создать въ маленькомъ заброшенномъ городкѣ Сибири богатѣйшее научное учрежденіе, не только ставшее духовнымъ центромъ края, но и привлечшее къ себѣ вниманіе европейскаго ученаго міра.

Это теченіе захватило и И. Т. Сейчас по окончаніи университета, онъ выдерживаетъ спеціальнѣйшій экзаменъ на званіе учителя естествовѣдѣнія, оставляетъ столицу и переселяется въ Красноярскъ, на должность преподавателя мѣстной гимназіи и учительской семинаріи.

Педагогическая профессія отнюдь не была для И. Т. одной только службой. Къ дѣлу преподаванія онъ отнесся съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ какимъ въ позднѣйшіе годы относился къ своимъ научнымъ изысканіямъ. Онъ умѣлъ не только сообщать знанія, обучать, но и увлекать своихъ слушателей. Особенно тепло относился онъ къ своимъ слушателямъ изъ учительской семинаріи, будущимъ народнымъ учителямъ, на которыхъ возлагалъ особенныя надежды. Въ то отдаленное время, когда о научныхъ экскурсіяхъ мало кто задумывался, И. Т. преподавалъ естественную исторію по великой книгѣ живой природы. Изъ душныхъ классовъ, отъ мертвыхъ книгъ по систематикѣ, онъ вводилъ своихъ слушателей въ величественныя окрестности Красноярска, и здѣсь на лонѣ природы училъ ихъ наблюдать и понимать явленія окружающаго міра.

Природа одарила И. Т. всеми виѣшними и внутренними данными, необходимыми для настоящаго педагога. Атлетъ по сложенію, неутомимый ходокъ и пловецъ, изощренный во всехъ видахъ физическаго спорта, прекрасный чтець и декламаторъ, веселый и общительный, къ тому же необыкновенно доступный и привѣтливый, онъ умѣлъ вносить въ серіозныя научныя занятія струю юношеской жизнерадостности, которая такъ важна для вѣстимаго общенія съ молодежью, и для нея онъ одновременно былъ и товарищемъ, и руководителемъ. Объ его экскурсіяхъ, которыя были школой и знанія и физической тренировки, сохранились цѣлыя легенды. Старожилы вспоминаютъ, какъ онъ умудрялся со своими учениками взбираться на верхушки почти недоступныхъ сіецитовыхъ столбовъ, которыми славятся окрестности Красноярска, и тамъ устраивать бесѣды-пикники съ самоваромъ...

Но этотъ жизнерадостный, какъ бы созданный для общества и спорта человекъ обладалъ и рѣдкой жаждой знанія и трудоспособностью. Немногіе свободные часы, оставшіеся отъ его педагогической и учебно-административной дѣятельности, онъ неутомимо посвящалъ самообразованію, пополненію тѣхъ знаній, которыми не успѣлъ запастись въ университетѣ. И такъ онъ продолжалъ учиться до послѣдняго дня жизни. Его интересовали самыя разнообразныя отрасли знанія—науки естественныя и гуманитарныя, а въ тѣхъ отрасляхъ, которыя его спеціально интересовали, какъ геологія, археологія, искусство, исторія игръ, онъ успѣлъ стать настоящимъ эрудитомъ.

При всемъ томъ, — при всей широтѣ своихъ научныхъ запросовъ, при всей обширности своей эрудиціи, — И. Т. въ своихъ самостоятельныхъ

изысканіяхъ сумѣлъ ограничить себя той научной работой, которая при данныхъ условіяхъ была у него подъ рукой. Учительскія обязанности призывали его къ Красноярску, и онъ примѣнилъ свои знанія къ геологическимъ изысканіямъ въ его окрестностяхъ, обстоятельный топографическій очеркъ которыхъ является до сихъ поръ едва ли не единственной работой въ этой области. Во время лѣтнихъ вакацій ему удавалось побывать на озерѣ Широ, и въ результатѣ — «медико-топографическое описаніе», которое, по отзывамъ специалистовъ, представляетъ образцовое геологическое обследованіе этого озера.

Геологическія изысканія въ окрестностяхъ Красноярска привели И. Т. къ счастливому открытію, которое прославило его имя, какъ археолога. На лѣвомъ берегу Енисея, среди слоя лёсса горы Афонтовой, онъ въ 1886 году впервые нашелъ нѣкоторыя каменные орудія, вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ. Какъ форма орудій, такъ и сопровождавшіе ихъ остеологическіе остатки говорили о палеолитическомъ періодѣ.

Въ то время существованіе палеолитическаго человѣка въ Сибири никѣмъ и не подозрѣвалось. Да и теперь для Восточной Сибири открытіе Савенкова остается единственнымъ. Понятенъ, поэтому, тотъ энтузіазмъ, съ которымъ И. Т. принялся за дальнѣйшіе поиски. Трудности предстояли огромныя. Добытые предметы были найдены не *in situ*, — на площади, образованной рѣчнымъ размывомъ. Требовались детальныя обследованія геологическаго строенія мѣстности и обширныя систематическія раскопки, которыя могли бы привести къ открытію стоянки или вообще мѣстонахожденію орудій *in situ*. Для такихъ обширныхъ работъ средствъ у И. Т. не было; тѣмъ не менѣе, восьмилѣтніе упорные поиски и частичныя раскопки дали результаты, которые съ несомнѣнностью подтвердили принадлежность орудій палеолитическому человѣку. Къ концу этихъ многолѣтнихъ поисковъ у И. Т. оказалось до 1.500 объектовъ, среди которыхъ, на ряду съ интереснѣйшими экземплярами каменныхъ орудій, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ совершенно новыхъ формъ, какъ, на примѣръ, лекало для закругленія скребковъ и др., были кости мамонта, риноцероса, бизона, сѣвернаго оленя и др. изъ той же фауны палеолита. Дальнѣйшіе поиски привели И. Т. на правый берегъ Енисея, къ дюнамъ притока послѣдняго, Безаихи. Здѣсь ему посчастливилось найти, вмѣстѣ съ орудіями новокаменнаго періода, впервые для Сибири скульптурныя изображенія изъ кости, художественной работы, очень напоминающія издѣлія троглодитовъ южной Франціи.

Въ 1893 г. И. Т. представилъ докладъ о своихъ открытіяхъ на Международномъ Антропологическомъ Конгрессѣ въ Москвѣ и демонстрировалъ образцы своихъ находокъ. О впечатлѣніи, произведенномъ этими

открытіями въ ученѣмъ мірѣ, можно судить по докладу барона De Baue въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ 27 февраля 1893 г.¹

«При первомъ же обзорѣ выставки конгресса, — писалъ De Baue, — одна витрина привлекла мое вниманіе, а послѣ серіознаго ознакомленія съ ней привела меня въ изумленіе. Я тогда же рѣшилъ доложить Академіи о фактахъ, которые по своей новизнѣ и научной важности заслуживаютъ ея особаго вниманія. Дѣло идетъ объ открытіяхъ, которыя составили центральное событіе Конгресса... Савенковъ, ревностный археологъ, пріѣхавшій изъ самаго центра Сибири, гдѣ онъ живетъ двадцать одинъ годъ, чтобы представить Московскому Конгрессу археологическую коллекцію, которая представляетъ настоящее откровеніе, Савенковъ изслѣдовалъ область до сихъ поръ неизвѣстную, и наука ему обязана открытіемъ въ бассейнѣ Енисея существованія въ Сибири палеолитическаго человѣка. Это научное завоеваніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что до настоящаго времени можно было предполагать, что Сибирь, какъ и Швеція, въ эпоху мамонта и послѣднихъ геологическихъ формацій не была обитаема человѣкомъ... И нашъ долгъ выразить признательность ученаго міра тому, кто цѣною стальныхъ трудовъ открылъ слѣды первобытнаго человѣка въ Сѣв. Азіи и чья скромность столь же велика, какъ велики его научныя заслуги.

«Въ 1890 г. Катрфажъ, знаменитый сочленъ Академіи, мой оплакиваемый учитель, который былъ и остается одной изъ славъ Франціи, говоря о результатахъ, которыхъ можно ожидать отъ Конгресса въ Москвѣ, — присутствовать на Конгрессѣ помѣшала ему смерть, — сказалъ мнѣ: «Мы не знаемъ доисторической археологіи Средней и Сѣверной Азіи. Эти неизслѣдованныя области могли бы когда-нибудь дать факты, которые измѣнили бы наши взгляды о первыхъ періодахъ жизни человѣчества, напр., неолитическую индустрію, соединенную съ четвертичной фауной». Мнѣ кажется, что до извѣстной степени это предсказаніе осуществилось на коллекціяхъ, доставленныхъ нынѣ изъ Сибири».

И, затѣмъ, послѣ краткаго отчета о находкахъ И. Т., баронъ De Baue говоритъ въ заключеніе:

«Эти факты являются настоящимъ событіемъ въ наукѣ. Мы можемъ сказать, что новая эра открылась въ изслѣдованіяхъ о на-

¹ Rapport sur les decouvertes faites par M. Savenkof dans la Siberie Orientale. Lecture faite à l'Académie de Sciences par le baron De Baue. Paris. 1894.

чальномъ періодѣ существованія человѣка, и тамъ именно, гдѣ предполагалась колыбель его. И эта новая эра будетъ плодотворна, благодаря добросовѣстнымъ работамъ, для которыхъ г. Савенковъ столь блестяще проложилъ дорогу. Я кончаю это сообщеніе, счастливый сознаниемъ того, что я освѣдомилъ васъ объ имени и трудахъ ученаго, который на берегахъ великой сибирской рѣки страстно работаетъ надъ развитіемъ науки».

Такъ отозвались спеціалисты въ Парижской Академіи Наукъ объ открытіи И. Т. И какая насмѣшка судьбы! Спустя 20 лѣтъ послѣ сообщенія барона De Baue, профессоръ Обермайеръ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о Доисторическомъ Человѣкѣ приписалъ открытіе Савенкова тому же барону De Baue и Ѡ. К. Волкову,—лицамъ, которыя даже никогда Сибири не видали!

Археологическія изысканія И. Т. не ограничивались одними окрестностями Красноярска. Въ 1884 г. онъ раскапывалъ курганы на р. Унжулу. Къ сожалѣнію, докладъ, представленный имъ въ Вост.-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, остался непечатаннымъ. Въ 1886 году имъ составлена была археологическая карта средняго теченія Енисея, на которой нанесены были, на основаніи собственныхъ наблюденій И. Т., всѣ стоянки и поселенія палеолитической, неолитической, мѣдной, бронзовой и желѣзной эпохъ, городища, курганы и петроглифы. Карта эта, какъ и приложенныя къ ней статьи, также остались непечатанными.

Къ этому періоду археологической дѣятельности И. Т. относится его прекрасная работа «О каменномъ вѣкѣ въ Минусинскомъ краѣ», на основаніи матеріаловъ Минусинскаго Музея и матеріаловъ и наблюденій самого И. Т. Здѣсь онъ обнаружилъ не только талантливое умѣнье въ дѣлѣ обработки матеріаловъ, но и всѣ тѣ обширныя знанія по археологіи и геологіи, которыя успѣлъ приобрѣсть за первые годы, когда готовился къ своей археологической дѣятельности. Не ограничиваясь точнымъ и яснымъ описаніемъ объектовъ и ихъ мѣстонахожденій, онъ старается вездѣ, гдѣ только возможно, ввести свой матеріалъ въ кругъ міровой доисторической культуры, сопоставляя его съ данными своей обширной эрудиціи. Анализируя формы орудій, онъ старается проникнуть въ бытъ и технику аборигеновъ Енисея, и, наконецъ, пытаюсь опредѣлить характеръ древности описываемой культуры, онъ даетъ попутно образцовыя въ геологическомъ отношеніи характеристики какъ средняго Енисея вообще, такъ и спеціально стоянокъ доисторическаго человѣка въ частности. Вообще же нужно отмѣтить, что—не въ примѣръ многимъ нашимъ археологамъ—И. Т. отлично сознавалъ первостепенное значеніе геологіи въ доисторической археологіи

и самымъ строгимъ образомъ проводилъ этотъ принципъ въ своихъ собственныхъ работахъ. Этимъ объясняется, почему о важнѣйшихъ своихъ раскопкахъ, тѣхъ самыхъ, о которыхъ такъ восторженно говоритъ баронъ De Baue, онъ оставилъ намъ только предварительные отчеты, считая, что геологическіе вопросы, связанные съ этими раскопками, недостаточно выяснены, и потому все откладывалъ подробную публикацію до новаго болѣе детального обследованія, которое, какъ увидимъ, онъ предпринялъ уже за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти.

II.

Въ области археологіи Сибири совершенно исключительный интересъ проявилъ И. Т. къ такъ называемымъ петроглифамъ.

Среди сибирскихъ изслѣдователей, еще со времени Спасскаго, изученіе петроглифовъ считалось самой очередной и вмѣстѣ съ тѣмъ интереснѣйшей задачей. Соединяя въ одно памятники изобразительнаго искусства съ такъ называемыми «руническими-письменами», мѣстные изслѣдователи безразлично въ тѣхъ и другихъ отыскивали таинственные знаки письма и въ эту сторону, главнымъ образомъ, направляли свои усилія. Особенно усердно въ этомъ направленіи, уже въ періодъ пребыванія И. Т. въ Сибири вплоть до начала 80-хъ годовъ, работалъ Н. И. Поповъ, положившій много труда и эрудиціи для сравненія матеріала писаницъ со всякаго рода начертаніями письменности.

Продолжателемъ дѣла Попова и явился И. Т. Коренную причину неуспѣха своихъ предшественниковъ И. Т. справедливо видѣлъ, прежде всего, въ томъ, что всѣ они работали кабинетно. Со времени Спасскаго до Попова включительно изслѣдователи пользовались главнымъ образомъ рисунками, исполненными въ 50-хъ годахъ нѣкимъ чиновникомъ Титовымъ по распоряженію мѣстнаго губернатора. Эти рисунки, сдѣланные человекомъ, научно въ нихъ не заинтересованнымъ и незнакомымъ съ научными требованіями въ этой области, притомъ не давшимъ никакого описательнаго матеріала къ рисункамъ, по мнѣнію И. Т., менѣе всего могли служить настоящими научными документами. Онъ рѣшилъ поэтому начать дѣло сначала: лично обследовать памятники и лично зарисовывать ихъ.

Въ 1884 г., благодаря матеріальной поддержкѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, И. Т. сдѣлалъ первый рекогносцировочный объездъ наиболѣе замѣчательныхъ писаницъ на Манѣ, начиная отъ границъ Капскаго округа, по Енисею отъ устья Кана до устья Он, успѣвъ за это время не только зарисовать петроглифы, но и составить упомянутую выше археологическую карту стоянокъ,

кургановъ и пр., схематическій планъ по образованію займищъ, древнихъ и новыхъ террасъ, съ указаніемъ мѣстъ песортированныхъ наносовъ, и еще альбомъ специальныхъ рисунковъ археологическихъ и этнографическихъ. Рисунки писаницъ въ свое время, по недостатку средствъ у Вост.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общества, къ сожалѣнію, не были опубликованы. Въ настоящее время, послѣ многолѣтней работы А. В. Адрианова по зафиксированію писаницъ путемъ эстампажей, рисунки И. Т. въ значительной степени утратили свое значеніе, по для того времени, когда способъ эстампированія еще не примѣнялся, эти рисунки были выполнены съ крайней научной тщательностью. Какое важное значеніе И. Т. придавалъ точности зарисовыванія и какъ серьезно онъ самъ относился къ своей технической работѣ, можно судить по мимолетному, по характерному для него замѣчанію, которое находимъ въ одной изъ его работъ. Вспоминая съ глубокимъ сожалѣніемъ, что во время первыхъ его экскурсій еще не примѣнялся способъ эстампированія, — способъ столь же легкой, сколько наиболѣе рациональный, — онъ какъ бы въ оправданіе своей манеры зарисовыванія говоритъ: «мы старались отрѣшиться отъ темперамента, отъ своей манеры рисовать, подчиняли себя всецѣло древнему рисунку, старались, такъ сказать, „влѣзть въ шкуру“ доисторическаго рисовальщика, отдать ему свою руку въ полное распоряженіе и копировать, не мудрствуя лукаво, и рисунокъ, и знакъ предмета, и тамгу, и религіозный знакъ и символъ»¹.

Отнюдь не педантизмъ, разумѣется, подсказалъ И. Т. эту кропотливую манеру цѣлостнаго «подчиненія себя древнему художнику». Менѣе всего по натурѣ своей И. Т. былъ педантъ и еще менѣе—аматёръ-собираетель. Скорѣе, наоборотъ: въ отдѣльныхъ фактахъ прежде всего и большіе всего онъ искалъ всегда того общаго, широкаго, что единитъ данныя факты съ циклами другихъ, однородныхъ фактовъ, что ведетъ къ открытію генезиса и эволюціи цикловъ явленій. Но для этого именно онъ съ такой исключительной кропотливостью и тщательностью старался констатировать, поскольку это было въ его силахъ, тѣ факты, которые подлежали его изученію.

Первая экскурсія въ территорію писаницъ привела И. Т. къ выводамъ, совершенно отличнымъ отъ взглядовъ тѣхъ его предшественниковъ, которые видѣли въ нихъ одни лишь таинственные знаки письменности,—къ выводамъ, которые, если и не рѣшали вопроса, то ставили его на широкую базу сравнительнаго историко-этнографическаго изученія.

Въ 1885 г., въ отчетѣ о своей поѣздкѣ, И. Т. писалъ²:

¹ О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ, стр. 89.

² Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1886, т. XII, №№ 3—4, стр. 99—100.

«Въ основу толкованія древнихъ фигурныхъ письменъ должно положить слѣдующія руководящія мысли: а) фигурныя изображенія—не начала письменности, а начала начертательнаго искусства; б) нѣкоторыя, очень немногія, могутъ имѣть символическое значеніе (въ точномъ смыслѣ этого слова), на-примѣръ: аглахтинская фигура, знакъ смерти, символъ молитвы, знакъ брода и другія идеографическія начертанія; в) въ основѣ нѣкоторыхъ древнихъ рисунковъ и знаковъ могутъ лежать своеобразныя *религіозныя анимистическія воззрѣнія аборигеновъ Енисея*; г) на позднѣйшихъ фигурныхъ письменахъ ясно отразился шаманизмъ, *потому рисунки на бубнахъ, оконахъ, джалбакъ-тюсѣ* и т. п. должны быть *тщательно собираемы*; д) рисунки вынѣшнихъ инородцевъ на затесяхъ деревьевъ (на распустьяхъ, на перевалахъ) надо срисовывать при каждомъ представляющемся случаѣ; е) тавры тюрко-алтайцевъ, киргизовъ, монголовъ и др. народовъ Средней Азии необходимы для окончательнаго рѣшенія вопроса о такъ называемыхъ гіероглифическихъ письменахъ; ж) рисунки на курганныхъ и могильныхъ камняхъ должны быть сопоставлены съ таковыми же на утесахъ; только по достаточномъ накопленіи матеріаловъ въ указанномъ направленіи можно надѣяться на то, что вопросъ о фигурныхъ письменахъ можетъ значительно двинуться впередъ... Древніе рисунки, видъ фигурныхъ письменъ на утесахъ, отразили культурныя стадіи и даже народности, проходившія по Енисею; они, слѣдовательно, имѣютъ антропологическое и даже, до извѣстной степени, и хронологическое значеніе, хотя, конечно, отъ нихъ нельзя ждать и требовать опредѣленныхъ историческихъ показаній, какія можно получить отъ надписей въ точномъ смыслѣ слова. Древніе рисунки, знаки, тамги, символы и пр. надо строго отличать отъ письменныхъ начертаній».

Весьма скоро И. Т. еще болѣе расширилъ проблему. Въ изобразительномъ матеріалѣ писаницъ онъ нашелъ связь съ орнаментикой памятниковъ енисейской бронзовой культуры. Религіозные мотивы въ искусствѣ послѣдней въ свою очередь привели его къ идеѣ, что фигурныя начертанія писаницъ—стилизованныя религіозныя представленія. Связавъ проблему писаницъ съ бронзовой культурой и религіозными символами, онъ естественно направилъ свои поиски далеко за предѣлы Енисея. «Перекрещивающіяся показанія,—говоритъ И. Т.,—и особенно стремленіе выяснитъ первоисточники заимствованій и установить, насколько возможно, пути ихъ передвиженія на Енисей направили насъ въ Ассирію, Вавилонію, Индію, Египетъ, Финикію, Трою, Кипръ, на побережья Средиземнаго и Чернаго морей. Оказались необходимы параллели въ Западной Европѣ, на сѣверѣ Европы и Азии и также и на востокѣ, въ Китаѣ и Средней Азии»¹.

¹ О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ, стр. 2.

На ряду съ этимъ, фактъ, казалось бы, совершенно особаго порядка—именно расшифрованіе орхонскихъ надписей, открытіе въ нихъ алфавита передне-азиатскаго происхожденія—особенно укрѣпилъ въ И. Т. мысль искать генезиса писаницъ въ Передней Азіи¹.

Расшифрованіе орхонскихъ надписей повліяло на И. Т. еще и въ другомъ болѣе важномъ отношеніи. Оно именно вернуло его къ первоначальному, какъ мы видѣли, рѣшительно и правильно отвергнутымъ имъ же воззрѣніямъ его предшественниковъ, которые во всѣхъ видахъ петроглифовъ готовы были видѣть различныя формы письменности.

Если «руническія» письма оказались образцами фонетическаго письма, то почему не предположить, что другія формы петроглифовъ не представляютъ образцовъ письменности болѣе древняго типа, не фонетическаго, а болѣе примитивнаго, изъ котораго впоследствии могли выработаться путемъ эволюціи передне-азиатскіе фонетическіе алфавиты?...

Эта идея въ свою очередь увлекаетъ И. Т. на новый путь исканій—въ области генезиса языка, письменности и, въ частности, алфавитовъ.

Колоссальная по размѣрамъ проблема не утратила И. Т. На цѣлыхъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ онъ окружаетъ себя огромной библіотекой книгъ по археологіи, исторіи религіи, психологіи, философіи языка, исторіи шрифтовъ, не расставаясь съ ними во время своихъ многочисленныхъ кочеваній изъ Сибири въ Россію, и всѣ свои досуги посвящаетъ своей излюбленной проблемѣ. Можно совершенно не соглашаться съ тѣми выводами, къ которымъ привели И. Т. его многолѣтнія изысканія, но нельзя не воздать уваженія колоссальной эрудиціи, пріобрѣтенной этимъ самоотверженнымъ труженикомъ, большая часть жизни котораго прошла вдали отъ научныхъ центровъ въ глуши Сибири и въ многократныхъ невольныхъ странствованіяхъ. Плодомъ этой многолѣтней работы И. Т., поглотившей самыя зрѣлыя годы его жизни, явилась монументальная монографія «О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисейѣ», заключающая до 500 страницъ текста in folio и XIII таблицъ съ изображеніями, въ которыхъ однихъ только фигуръ писаницъ, не считая множества археологическихъ параллелей, свыше 1.000.

Какъ извѣстно, основная идея этого огромнаго труда сводится къ тому, что фигуры енисейскихъ писаницъ являются знаками и символами различныхъ древнихъ молитвенныхъ тѣлодвиженій, жестовъ, перстосложеній и т. п. ритуальныхъ обрядностей, и изъ этихъ именно знаковъ и сим-

¹ «Петроглифы Орхона,—писаль И. Т.,—подтвердили наши предположенія. Для дальнейшей провѣрки естественно было обратиться къ культурамъ Малой Азіи, какъ къ мѣсту заимствованія енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ» (op. cit., тамъ же).

воловъ, которые нѣкогда были общи всѣмъ древнимъ при-средиземноморскимъ культурамъ, путемъ долгой эволюціи выработались всѣ передне-азиатскіе алфавиты, включая и орхонскій. Доказательству этой идеи—въ томъ числѣ, между прочимъ, даже и анализу церковно-славянскаго алфавита — главнымъ образомъ посвящена аргументація этой огромной монографіи.

Для будущихъ изслѣдователей сибирскихъ петроглифовъ цѣнность работы И. Т., разумѣется, не въ этой односторонней идеѣ, а прежде всего въ томъ обширномъ начертательномъ и описательномъ матеріалѣ, который съ такой тщательностью и столькими усиліями собранъ въ этомъ трудѣ. Навсегда также останется крупной заслугой И. Т. та широкая сравнительно-этнографическая и историческая база, на которую въ его работѣ поставлено изученіе писаницъ. Достаточно указать только на обширный сравнительный матеріалъ по тамгамъ у самыхъ различныхъ народовъ, сопоставленнымъ съ аналогичными петроглифными изображеніями, чтобы оцѣнить сравнительно-этнографическое значеніе этого труда для всякаго будущаго изслѣдователя. Методологически цѣннымъ останется также воззрѣніе И. Т. на связь писаницъ съ древнѣйшими памятниками культурныхъ народовъ Азіи.

Но и основная гипотеза И. Т., при всей ея крайней односторонности и даже, быть можетъ, экстравагантности, несомнѣнно окажетъ услугу людямъ, занимающимся сравнительной археологіей. Не только археологи, но и историки религіи до сихъ поръ не придавали значенія смыслу и происхожденію ритуальныхъ жестовъ, въ дѣйствительности игравшихъ значительную роль въ древнихъ культурахъ самыхъ различныхъ народовъ,—роль, которая многими изслѣдователями и не подозрѣвалась. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что И. Т. первый серьезно выдвинулъ этотъ вопросъ, подчеркнувъ его важное значеніе¹.

Къ числу работъ, въ которыхъ рельефно выразилась основная черта И. Т.—стремленіе охватить всякій конкретный вопросъ во всей его широтѣ, не жалѣя никакихъ трудовъ и усилій къ овладѣнію всѣмъ относящимся къ нему научнымъ матеріаломъ, нужно отнести его сравнительно небольшую работу (около 8 печатныхъ листовъ): «Къ эволюціи шахматной игры. Сравнительно-этнографическій очеркъ».

¹ Насколько этотъ вопросъ совершенно игнорируется, достаточно привести примѣръ изъ столь распространеннаго и широко извѣстнаго культа исламистовъ. Предписанныя у магометанъ ритуальныя тѣлодвиженія во время молитвы до сихъ поръ, насколько, по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, изслѣдователи готовы разсматривать какъ установленіе чисто догматическаго характера, введенное впервые исламомъ. Въ дѣйствительности, эти тѣлодвиженія — несомнѣнный пережитокъ древне-семитскаго ритуала. О магометанскихъ молитвенныхъ жестахъ, впрочемъ, и И. Т. въ своемъ трудѣ не упоминаетъ.

Поводомъ къ составленію этой монографіи послужило случайное ознакомленіе И. Т. съ шахматной игрой у сойотовъ. Заинтересовавшись вопросомъ о томъ, откуда могла быть заимствована эта игра столь первобытнымъ народомъ, онъ отъ сойотовъ переходитъ къ общей проблемѣ о происхожденіи, распространеніи и эволюціи шахматной игры на Востокѣ и Западѣ и заканчиваетъ обстоятельной исторіей этой игры въ Россіи. Памятникомъ огромной эрудиціи И. Т. въ этомъ вопросѣ является не только упомянутая работа, но и оставшаяся послѣ него большая специально подобранная по данному вопросу библіотека, въ которой имѣются рѣдчайшія изданія и которая собиралась имъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ съ любовью настоящаго виртуоза въ этой игрѣ.

III.

Въ 1904 году, черезъ три года послѣ выхода И. Т. въ отставку, умеръ близкій другъ его, глубоко родственныи ему по научнымъ и общественнымъ симпатіямъ, извѣстный основатель и устроитель Минусинскаго Музея, Н. М. Мартыановъ. Несмотря на то, что смерть эта застала И. Т. въ самый разгаръ работы его надъ монографіей «О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ», самымъ крупнымъ трудомъ его жизни, законченнымъ имъ лишь въ 1908 г., онъ рѣшаетъ покинуть Москву съ ея библіотеками и музеями и отправляется въ Минусинскъ, чтобы упрочить дорогое ему не только ради памяти друга, но и ради научнаго и общественнаго значенія учрежденіе¹.

Судя по всему, И. Т. готовъ былъ весь остатокъ жизни посвятить этому дѣлу. Одно время мы видимъ его въ роли завѣдывающаго Минусинскимъ Музеемъ. Но условія, среди которыхъ ему пришлось продолжать дѣло Н. М. Мартыанова, были уже далеко не тѣ, при которыхъ работалъ его основатель. Администрація, сообразно съ новымъ духомъ времени, относилась къ Музею и его лучшимъ сотрудникамъ съ подозрительностью, совершенно парализовавшей живую работу. Многихъ изъ старыхъ друзей и дѣятелей Музея уже не было въ Минусинскѣ, а городское управленіе относилось къ дѣламъ Музея совершенно индифферентно. Говорили даже о

¹ Для И. Т., какъ и для Н. М. Мартыанова, Минусинскій Музей долженъ былъ являться не только центромъ для обслуживания чисто научныхъ задачъ обширнаго края, но и просвѣдательнымъ учрежденіемъ для народной массы. «Пробнымъ камнемъ въ этомъ (последнемъ) отношеніи,—писалъ онъ,—мы считаемъ не утилитарные отдѣлы, которымъ капиталисты и торгово-промышленные люди придаютъ главенствующее значеніе, и даже не научныя коллекціи, а *отдѣлъ общеобразовательный* съ подотдѣлами: для безграмотныхъ, малограмотныхъ, темныхъ людей... и, наконецъ, учебный подотдѣлъ, долженствующій представлять съ возможно большей полнотой конкретныя и наглядныя учебныя пособія по всѣмъ предметамъ начальной и средней школы» (О древ. памят. изобраз. иск. на Енисеѣ, стр. V).

проектъ продать Музей городу Томску. При такомъ положеніи дѣла былъ только одинъ исходъ—поставить Музей внѣ зависимости отъ города, передавъ его подъ покровительство какого-нибудь вліятельнаго ученаго учрежденія въ Петроградѣ и обезпечивъ ему постоянный бюджетъ и работниковъ-спеціалистовъ на счетъ государства. Такимъ учрежденіемъ И. Т. считалъ Императорскую Академію Наукъ, которая должна была принять Музей въ свое вѣдѣніе, исходатайствовать для него особые штаты. Въ этомъ смыслѣ имъ была выработана специальная записка, и онъ немало приложилъ усилій—вплоть до личной поѣздки въ столицу—къ тому, чтобы дать ходъ своимъ ходатайствамъ и проектамъ.

Въ 1910 г. вышелъ въ свѣтъ самый крупный трудъ И. Т. «О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ». Но у него осталась неоконченной работа, тяготившая его еще съ 80-хъ годовъ: это—необработанныя коллекціи каменнаго періода изъ окрестностей Красноярска, о которой въ печати имѣлся лишь предварительный отчетъ. Болѣе двадцати лѣтъ И. Т. все мечталъ о томъ, чтобы найти возможность произвести детальное геологическое обследованіе и систематическія раскопки на мѣстѣ первыхъ находокъ, въ надеждѣ найти стоянку доисторическаго человѣка и во всякомъ случаѣ съ большей точностью установить геологическую обстановку своихъ открытій. Между тѣмъ, уходили годы за годами, и этой возможности не представилось.

Потерявъ надежду на продолженіе своихъ полевыхъ изысканій, онъ рѣшаетъ приняться за кабинетную обработку своихъ матеріаловъ, ограничиваясь тѣми данными, которыя ему удалось собрать въ свое время. Около двухъ лѣтъ онъ употребилъ на эту работу, цѣлыми днями кропотливо зарисовывая и описывая свои цѣнные собранія въ Музеѣ Антропологии и Этнографіи, гдѣ они хранились, какъ его даръ, еще съ 90-хъ годовъ.

Случайный эпизодъ снова оторвалъ И. Т. отъ спокойной работы въ Музеѣ и его, почти семидесятилѣтняго старика, снова вернулъ къ суровой полевой работѣ, которою онъ началъ свой научный путь.

Въ Музей поступила изъ Тверской губ. большая коллекція каменнаго вѣка, которая по всѣмъ видимостямъ относилась къ палеолиту, но, къ сожалѣнію, весь богатый матеріалъ оказался подъемнымъ, и для точнаго его опредѣленія необходимо было произвести, по крайней мѣрѣ, развѣдочныя обследованія для выясненія геологической обстановки района находокъ. Эту работу Музей поручилъ И. Т., который за короткое время, бывшее въ его распоряженія, вмѣстѣ съ прикомандированнымъ къ нему молодымъ археологомъ В. М. Лемешевскимъ, успѣлъ довольно детально изучить мѣстность и произвести пробныя раскопки, давшія очень интересные результаты. Эта археологическая экскурсія, убѣдившая И. Т., что, несмотря

на преклонный возраст, онъ еще достаточно бодръ и крѣпокъ для полевой работы, снова пробудила въ немъ старую мечту о продолженіи раскопокъ въ окрестностяхъ Красноярска. И его мечта осуществилась. Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ его предложенію, ассигновавъ въ его распоряженіе необходимыя средства, и И. Т. сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ Красноярскъ. Къ несчастію, въ самый разгаръ приготовленій онъ заболѣлъ тифомъ, а когда, наконецъ, оправился, то вмѣсто прежняго И. Т., поражавшаго всѣхъ насъ, его товарищей по Музею, юношеской бодростью, гибкостью и крѣпостью организма, среди нами былъ болѣзненно осунувшійся старикъ, съ трудомъ взбиравшійся по лѣстницѣ. Сердце этого столь крѣпкаго чело-вѣка если не переродилось, то ослабѣло настолько, что для возстановленія силъ, во всякомъ случаѣ, требовался продолжительный покой.

Несмотря на всѣ уговоры и предостереженія, И. Т. торопился закончить работу въ Музеѣ и рѣшилъ ѣхать, боясь, повидимому, упустить послѣдній счастливый случай. «Тамъ я отдохну, скоро оправлюсь»,—успокаивалъ онъ насъ. Въ маѣ 1914 г. онъ въ третьеклассномъ вагонѣ выѣхалъ въ Красноярскъ и вскорѣ по приѣздѣ приступилъ къ работѣ. На этотъ разъ онъ имѣлъ, наконецъ, возможность вести правильныя раскопки, снимая слой за слоемъ и тщательно сортируя матеріалъ *in situ*. Уже во время раскопокъ онъ часто чувствовалъ себя плохо и лежа въ палаткѣ руководилъ работами, въ которыхъ усерднымъ помощникомъ былъ его сынъ Александръ Ивановичъ. И все же у И. Т. хватило энергіи тщательно заэкетировать весь собранный матеріалъ, упаковать его и отослать въ Музей съ указаніемъ на особенно цѣнные, по его мнѣнію, экземпляры. Въ послѣднихъ числахъ августа раскопки были закончены, и И. Т. переѣхалъ въ Красноярскъ, но тотчасъ почувствовалъ себя плохо. Сердце не выдержало того понятнаго напряженія, съ коимъ онъ изо дня въ день нетерпѣливо ожидалъ раскрытія новыхъ тайнъ своего возлюбленнаго палеолита, и, перевезенный въ лѣчебницу Краснаго Креста, онъ черезъ день, 1-го сентября, тихо скончался, успѣвъ все же передать въ Музей свое послѣднее мнѣніе о произведенныхъ имъ находкахъ.

40 ящичковъ съ объектами изъ раскопокъ И. Т. ждутъ теперь обработки, равно какъ ждетъ опубликованія послѣдняя огромная рукопись его съ описаніемъ прежнихъ раскопокъ. И. Т. не удалось завершить собственными руками одно изъ крупнѣйшихъ дѣлъ своей жизни, но все, что было въ его силахъ, имъ было сдѣлано, чтобы довести эту работу до конца. Если въ смерти возможно найти какое-нибудь удовлетвореніе, то объ И. Т. можно съ полной справедливостью сказать, что онъ умеръ прекрасной смертью самоотверженнаго труженика науки, окончивши земной путь среди кипу-

чей работы, воодушевлявшей всю его жизнь, и праху его суждено покоиться въ томъ городѣ, гдѣ протекли его лучшіе годы и гдѣ память о немъ, какъ объ ученомъ, общественномъ дѣятелѣ, руководителѣ юношества и симпатичномъ человѣкѣ, будетъ храниться съ особенной любовью и теплотой.

Два слова въ заключеніе объ И. Т., какъ о человѣкѣ. Онъ умѣлъ быть благороднымъ другомъ, и объ одномъ изъ своихъ самыхъ близкихъ друзей, Н. М. Мартьяновѣ, вскорѣ послѣ его смерти, И. Т. писалъ: «Покойный Николай Михайловичъ обладалъ рѣдкими душевными качествами: врожденнымъ психологическимъ тактомъ, привѣтливостью, радушіемъ, скромностью, спокойствіемъ, прямою и идеальнѣйшей честностью, любовью къ наукѣ, неугасимой любознательностью, обширной эрудиціей, всегдашней готовностью дѣлиться всѣми своими знаніями... Все это располагало къ нему людей»...

То, что И. Т. писалъ о Мартьяновѣ, съ полной справедливостью можно сказать о немъ самомъ, и этого будетъ достаточно для характеристики его свѣтлой личности.

У И. Т. было много друзей, и со временемъ—будемъ надѣяться—ихъ воспоминанія возстановятъ передъ нами въ полномъ свѣтѣ его интересную и симпатичную фигуру.

Отъ себя и товарищей по Музею Антропологии и Этнографіи, знавшихъ его только въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, могу сказать, что рѣдко въ средѣ специалистовъ приходится встрѣчать такую оригинальную фигуру, какимъ былъ И. Т. Долго нередъ нашими глазами будетъ стоять, какъ живая, внушительная и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткая фигура И. Т., который сумѣлъ сочетать въ себѣ изумительную усидчивость кропотливаго труженика, долгими часами не отрывавшагося отъ чертежей и рукописей, съ юношеской веселостью, остроуміемъ, жизнерадостностью и чуткостью ко всему прекрасному и доброму, не говоря уже о восторженной любви къ наукѣ и искусству. И въ довершеніе—удивительная скромность и природная привѣтливость, которая невольно располагала къ нему съ перваго раза.

Какъ-то разъ, вспоминая свои молодые годы, И. Т. проговорился: «А можете себѣ представить,—вѣдь былъ періодъ въ моей жизни, когда я серьезно мечталъ сдѣлаться артистомъ, но скоро бросилъ». У И. Т., дѣйствительно, были артистическія наклонности... Въ одномъ отношеніи онъ и былъ настоящимъ артистомъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова: онъ изъ своей собственной жизни сумѣлъ создать артистическое произведеніе, цѣльное, гармоничное твореніе изъ неустаннаго планомѣрнаго труда, радостей науки и общественного служенія.

Д. Штернбергъ.

Савенковъ Иванъ Тимофеевичъ.

(Автобіографическая справка, сообщенная Имп. Археологическому Обществу въ Москвѣ).

Иванъ Тимофеевичъ Савенковъ родился въ 1846 г., въ г. Мариуполь, Екатеринославской губ., въ православной купеческой семьѣ, скромнаго достатка. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ съ родителями переѣхалъ въ Сибирь, жилъ въ Иркутской и Енисейской губ. Въ 1866 г. онъ окончилъ курсъ въ Иркутской гимназіи, а въ 1870 г., со степенью кандидата, окончилъ курсъ въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ по естественно-историческому отдѣленію физико-математическаго факультета. По выдержаніи особыхъ устныхъ и письменныхъ испытаній и послѣ дачи нѣсколькихъ пробныхъ уроковъ по естествовѣдѣнію и химіи въ присутствіи декана, профессора, директора Реальнаго Училища и учителя естествовѣдѣнія удостоенъ званія учителя гимназіи. Съ 1871 по 1901 г. служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, занимая учебно-воспитательныя и учебно-административныя должности. Въ Красноярскѣ былъ учителемъ гимназіи и Директоромъ Учительской Семинаріи до 1894 г. Заключилъ службу, въ Варшавскомъ Учебномъ Округѣ, Окружнымъ Инспекторомъ. Имѣетъ ордена до Св. Равноапостольнаго Кн. Владимира 3 ст. включительно. Съ 1906 г., по выходѣ въ отставку, отдался всецѣло общественно-научной дѣятельности, былъ сотрудникомъ, а потомъ и дѣйствительнымъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ: Импер. Москов. Археологическаго Общества, Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Импер. Москов. Университетѣ, Импер. Русскаго Географическаго Общества, имѣетъ дипломъ члена-корреспондента Импер. Академіи Наукъ, Музея Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго. Былъ завѣдывающимъ Минусинскимъ Мартыновскимъ Музеемъ и нынѣ состоитъ его членомъ. Участвовалъ въ нѣкоторыхъ Съѣздахъ Естествоиспытателей и Археологовъ, дѣлалъ доклады и былъ избираемъ почетнымъ предсѣдателемъ секціи географіи, антропологии и этнографіи. Перечень ученыхъ трудовъ И. Т. Савенкова:

1. Къ матеріаламъ для медико-топографическаго описанія озера Широ (съ картою). Красноярскъ, 1890 г.
2. Матеріалы для медико-топографическаго описанія озера Широ, собранныя въ 1890 г. Красноярскъ, 1891 г.
3. О палеолитической эпохѣ въ окрестностяхъ г. Красноярска, Енисейской губ. (съ картою и разрѣзами). Красноярскъ, 1892 г.
4. Къ матеріаламъ для медико-топографическаго описанія окрестностей г. Красноярска. Предварительный геологическій очеркъ ближай-

шихъ окрестностей г. Красноярска. Красноярскъ, 1892 г. Отгискъ изъ отчета Общ. Врачей Енисейской губ.

5. О находкѣ нѣкоторыхъ костей мамонта вблизи с. Барабановскаго, Красноярскаго у., Енисейской губ. Красноярскъ, 1892. Отгискъ изъ протокола засѣданія Статистическаго Комитета.

6. Sur les restes de l'époque paléolithique dans les environs de Krasnojarsk. Отгискъ доклада Международному Конгрессу, 11-ème session à Moscou. Congrès International d'archéologie préhistorique et anthropologie. T. I, p. 121.

7. Sur les restes de l'époque néolithique, trouvés dans le gouvern. d'Yenisseisk, sur la rive de l'Yenissei près des embouchures de la Bazaicha et du Tchadobets sur la rive d'Angara. Докладъ Международному Конгрессу 1892 г., бывшему въ Москвѣ. Отгискъ изъ т. II Трудовъ Конгресса.

8. Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ. Москва, 1896 г. Съ фотографіями и рисунками.

9. Къ вопросу объ эволюціи шахматной игры. Сравнительно-этнографическій очеркъ. Отгискъ изъ LXIV кн. «Этнографическаго Обзорія».

10. Описаніе черепа собаки древне-абаканской породы. Отгискъ статьи изъ «Извѣстій» В.-С. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1907 г.

11. Описаніе нѣкоторыхъ каменныхъ орудій Енисейскаго Музея. Статья, переданная Москов. Арх. Общ., но пока не напечатанная.

12. О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ. Москва, 1910. Отгискъ I т. Трудовъ XIV Черниговскаго Археологическаго Съѣзда.

13. Религіозныя и магическія основы устройствъ шаманскихъ бубенъ инородцевъ Минусинскаго округа. Археолого-этнографическій очеркъ. Статья представлена Импер. Москов. Археологич. Обществу.

14. Объ археологическихъ изысканіяхъ на Волгѣ въ 1913 г. Годичный Отчетъ Музея Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго за 1913 г.

15. Описаніе палеолитическихъ орудій и другихъ памятниковъ древней техники, добытыхъ на склонахъ Афонтовой горы въ окрестностяхъ Красноярска. Статья, представленная Музею Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго въ 1914 г.